

К.И. Бринев

Алтайская государственная педагогическая академия

**Лингвистические теории и лингвистические экспертные
исследования: проблема взаимосвязи юридической
и теоретической лингвистики**

Аннотация: Статья посвящена постановке и решению проблем лингвистической экспертологии – раздела юридической лингвистики. В работе обсуждаются вопросы статуса лингвистической теории, категории субъективного и объективного, цели и задачи лингвистической экспертизы.

Suggestion article deals with problems of linguistic expertlogic – section of legal linguistics. In this paper are discussed questions of the status of the linguistic theory, a category subjective and objective, the purposes and problems of linguistic expertise.

Ключевые слова: юридическая лингвистика, лингвистическая экспертология, категории субъективного и объективного, лингвистическая экспертиза.

Legal linguistics, linguistic expertlogic, category subjective and objective, linguistic expertise.

УДК: 784.4

Контактная информация: Барнаул, ул. Молодежная 55. АГПА, кафедра общего и русского языкознания. Тел. (3852) 388467. E-mail: brinevk@yandex.ru.

Лингвистическая экспертология¹ как область юридической лингвистики и как область практических лингвистических исследований стимулировала постановку определенного вида проблем, без решения которых дальнейшие исследования в этой области, по нашему мнению, могут оказаться неэффективными. Настоящая статья направлена на выявление этих проблем и выдвижение предположений по их возможному решению.

1. Центральной проблемой, которая следует из того, что лингвистическая экспертология представляет собой прикладную область лингвистики, является проблема статуса лингвистической теории, с одной стороны, в аспекте ее соответствия / несоответствия действительности, а с другой стороны, в аспекте ее применения для объяснения конкретных ситуаций. Остановимся на комментарии второго выделенного нами аспекта.

В настоящее время в лингвистике, по нашему мнению, неявно доминирует взгляд, согласно которому теоретические знания – это сорт знаний «для-себя» и «в-себе», и они не имеют никакого значения для решения прикладных задач или, по крайней мере, весьма слабо с ними связаны.

Думаем, необходимо рассмотреть противоположную презумпцию, согласно которой не существует ни одной прикладной задачи, которая не решалась бы при помощи какой-либо теории, включая теорию, основанную на обыденных представлениях о предмете исследования. Естественно, мы не считаем, что приклад-

¹ Термином «лингвистическая экспертология» мы обозначаем один из разделов юридической лингвистики (юрислингвистики), целью которого является теоретическое и методическое обеспечение лингво-экспертной деятельности.

ное и теоретическое – это одно и то же, но их объединяет достаточно важная вещь – факт¹. Любая теория предназначена для описания и, что более важно, для объяснения существующих фактов, прикладные же исследования, по крайней мере, в лингвистической экспертизе, направлены на ситуационное объяснение фактов². При этом конкретное ситуационное объяснение не может обойтись без какой-либо теории.

Таким образом, в рамках данной статьи мы исходим из «примата теоретического», считая, что в прикладных исследованиях обязательно применяются существующие лингвистические теории (в том числе и неполные, и внутренне противоречивые, и *ad hoc* теории) к описанию и объяснению ситуаций или событий, которые происходят в конкретное время в конкретном месте. Эта позиция может быть обоснована тезисом о невозможности чистого индуктивного познания как научно-теоретического, так и обыденно-ориентационного [Поппер, 2002]. Поэтому для того, чтобы описывать какие-то конкретные ситуации необходимо выяснить, какие лингвистические теории в настоящее время кладутся в основание объяснений конкретных фактов. Анализ этого вопроса привел нас к утверждению о том, что существующие лингвистические теории, которые доминируют как в классической теоретической лингвистике, так и в одной из ее прикладных областей – лингвистической экспертизе – построены, с одной стороны, на субъективной теории истины, а с другой стороны, они являются реалистическими (=эссенциалистическими) теориями. Эти два признака логически не предполагают друг друга, хотя в существующей лингвистической методологии образуют определенное единство в том смысле, что принятые лингвистические теории ведут к субъективизации и релятивизации лингвистических описаний.

Для того чтобы высказанные утверждения были максимально ясными, кратко рассмотрим эти две концепции и следствия, которые они влекут.

2. Субъективистская теория истины в теоретической лингвистике. Категория субъективного и объективного долгое время принималась в качестве инструмента (быть может, даже основного) описания языка, при этом, будучи заимствованной из философии была принята лингвистикой некритически и в настоящее время используется в лингвистике и лингвистической экспертизе также достаточ-

¹ Решая конкретные экспертные задачи в рамках лингвистических экспертиз спорных речевых произведений, автор пришел к выводу, что в лингвистике практически отсутствует такая научная категория, как категория «факт»; в ней (лингвистике) есть материал, но нет фактов, всегда, например, относительно лингвистического исследования мы можем услышать вопрос: «На каком материале вы выполнили исследование?», но практически никогда: «Какие факты позволяют вам делать такие-то утверждения, и почему вы думаете, что эти факты позволяют вам утверждать то-то и то-то?».

Юридическая лингвистика (а точнее, ее подотрасль – лингвистическая экспертология) «выявила» проблему факта недвусмысленным образом – с одной стороны, это глобальная проблема фактических описаний продуктов речевой деятельности, которая возникает в экспертных исследованиях. Эта проблема ясно может быть сформулирована, по нашему мнению, следующим образом: «Каковы те факты, которые могут быть установлены в результате лингвистического исследования?» или – с несколько другой стороны – «Как мы используем наши объяснения для того, чтобы утверждать, что в мире происходило (происходит) то-то и то-то?».

Вторая, на первый взгляд, сугубо техническая проблема, касающаяся разграничения фактов и мнений, событий и оценок, которая возникает в экспертной практике по делам о распространении не соответствующих действительности порочащих сведений и клевете, поставила вопрос об intersubjectивности естественного языка, который удовлетворительно можно сформулировать следующим образом: «Высказываем ли мы при помощи языка утверждения о реальности или все наши утверждения – это только интерпретации, которые на самом деле только **наши** интерпретации, и они не соотносятся с миром?»

² Мы не комментируем здесь прикладные исследования в естественных науках, которые связаны и с управлением событиями.

но некритически (напомним о весьма популярных сегодня тезисах современной антропологической и когнитивной лингвистики). В разное время эта категория «работала» в различных направлениях: в период расцвета диалектического материализма, она вводилась, для того чтобы подчеркнуть диалектическое единство субъекта и объективного мира, связь языка и речи как инструментов и видов человеческой деятельности с объективными отношениями – отношениями в реальной действительности. (Считалось, например, что категории языка обусловлены объективными отношениями в том смысле, что они (языковые категории) эти объективные отношения отражают). В настоящее же время очевиден субъективистский подход к решению данной антиномии. Язык и речь интерпретативны: в мире нет истины и лжи, кроватей, кошек и собак, отношений «слева» и «справа» и т.п. – все это суть человеческие категории (в терминологии Ф. Бэкона – «идолы рода»), от которых нельзя избавиться, так что человек обречен интерпретировать мир, то есть приписывать ему свои человеческие категории, видеть его через призму этих категорий, в результате чего действительное положение дел, естественно, искажается, и поэтому мы никогда не узнаем, как обстоят дела на самом деле. Можно использовать и терминологию И. Канта: «Мы никогда не узнаем, какова на самом деле вещь в себе».

Мы исходим из иного теоретического допущения, которое восходит к работам К. Поппера. Согласно этому допущению категории и суждения, действительно, являются человеческими в том смысле, что человек накладывает (как это понимал, например, И. Кант) эти категории на мир, но тот факт, что при этом человек способен ошибаться и фактически ошибается, говорит о том, что утверждения, несмотря на то, что они человеческие, это утверждения о мире в том смысле, что они могут соответствовать и могут не соответствовать реальному положению дел. Таким образом, из факта потенциальной ложности вытекает другой факт: наши утверждения не произвольны относительно того, что называется реальностью, наши утверждения принимаются и отбрасываются в рамках принципа их соответствия действительности, но не в рамках принципа договоренности (конвенционализм) или практической их целесообразности (прагматизм). А отсюда – оппозиция субъективного и объективного в том виде, в котором она представлена в современной лингвистике, не является продуктивной как для описания свойств естественного языка, так и на уровне лингвистической методологии. С методологической точки зрения следствием субъективизации является, как мы уже отметили, безграничный интерпретационизм лингвистических теорий, фактически «узаконенный» в лингвистике как науке. Традиционная формула «Каждый прав со своей точки зрения» есть не что иное, как форма субъективизма, которая вырастает, в том числе, и из свойств языка, при помощи которого одно и то же можно назвать по-разному, тем самым, придавая ему (одному и тому же), различной степени оттенки смысла: от неуловимых до противоположных.

Поясним суть концепции интерпретационизма. Можно выделить две формы интерпретационизма – методологическую и фактическую. Методологический интерпретационизм присутствует на металингвистическом уровне, то есть интерпретационизм является одним из принципов построения научной лингвистической теории. Мы уже указали, что его основная формула «Каждый прав со своей точки зрения». Лингвистические работы, как правило, начинаются с перечисления различных точек зрения, относительно которых утверждается, что исследователю удалось описать какой-то аспект реальности и со своей позиции (или с позиции этого аспекта) он прав. Очевидно, что такой методологический интерпретационизм ведет к теории субъективной истины, где истина – это результат интерпретации ученым какого-то явления. В формулировке «все правы со своих точек зрения» этот субъективизм виден отчетливо и не требует усилий по доказательству. Если все истинно и ничего не ложно, то тогда, безусловно, что истина – это продукт ментальных состояний субъекта (ученого), но так же верно, что такая истина

ничего не говорит о мире, а только о ментальных состояниях породившего теорию в том смысле, что он (ученый) **так видит** это положение дел, тогда как другой может **видеть** его совершенно **по-иному** и тоже будет по-своему прав. Время от времени возникающие в лингвистике дискуссии (мы думаем, что выражение «время от времени» очень точно отражает состояние критического обсуждения проблем в лингвистике) порождены только тем, что ученые не понимают друг друга, а не различными позициями по поводу решения вопросов относительно реального положения дел, и если они друг друга поймут (а это считается безусловно возможным), когда, например, договорятся в значении терминов, то проблема исчезнет сама собой.

Второй принцип объяснения различия точек зрения – через объективную категорию «аспект» – не так очевидно связан с субъективистским характером истины в лингвистике, но все же не перестает быть от этого субъективистским. Поясним данный тезис. Мы всегда можем употребить объективное слово «аспект» по отношению к новой интерпретации явления, более того, мы всегда можем придумать, если очень захотим, *что* это за аспект, поэтому в данном случае мы спасаем «субъективистский плюрализм» при помощи введения объективного слова. Если бы мы хотели, чтобы наши исследования являлись не только спасением субъективной теории истины, но и претендовали бы на статус описания фактов, то мы должны были бы иметь ответ на вопрос, каковы те ситуации, когда точка зрения не отражает никакого аспекта реального положения дел. Очевидно, что в лингвистике так вопрос попросту не ставится, а потому и относительно теории аспектов наличие противоречивых позиций объясняется субъективно – как тот факт, что люди просто говорят о разных вещах и не понимают друг друга. Если бы они поняли, о каких вещах они говорят, то проблема бы «ушла сама собой», так как все бы, очевидно, согласилось друг с другом. Отметим, что в каждом случае мы всегда можем придумать (и даже в некотором отношении – хотеть придумать) эти разные вещи, чтобы спасти истинность всех утверждений. Так что методологический интерпретационизм (или «субъективистский плюрализм») является весьма «слабой» теорией истины в том смысле, что вся теоретическая деятельность сводится к признанию истинности любых утверждений, и этот факт определяет, что ученый, который отстаивает такую ценность, вынужден любыми способами спасать эти представления, когда они начинают противоречить фактам. Такая концепция защищает истинность, поэтому под то, что считается истинным (а истинным считается, как мы отметили, что все является истинным) «подстраивают» все остальные факты, которые в различной степени соответствуют исходному «истинному» утверждению, вплоть до фактов, которые противоречат этому утверждению. Самый удобный, кстати, способ спасения – попросту «не замечать» противоречащие факты, ссылаясь, например, на то, что любая теория неизбежно огрубляет действительность, а потому мы придумаем сначала теорию для той группы фактов, которые хорошо объясняются, а уж потом подумаем, как объяснить остальные (такие теории называются *ad hoc* теориями). Но необходимо отметить, что отбрасываются теории, факты не могут быть отброшены, факты таковы, каковы они есть, и если теория не объясняет всех известных фактов, то именно она должна быть отброшена, но не отброшены те факты, для которых выдвинутое объяснение не является удовлетворительным.

Методологический интерпретационизм тесно связан с интерпретационизмом фактическим. Последний вытекает, по нашему мнению, из того факта, что при декодировании реальных речевых сообщений всегда остается возможность для индивидуального понимания этих сообщений. Фактический и методологический интерпретационизм связаны между собой, вероятно, как причина и следствие, и второй – проекция первого (хотя мы в этом не уверены) в сферу построения научных теорий. С фактическим интерпретационизмом мы встречаемся при преподавании практически всех лингвистических дисциплин, а более всего в тех курсах,

которые посвящены интерпретации текста. Он заключается в том, что понимание текста зависит исключительно от субъекта декодирования, так что мы можем прийти до утверждений что текст, понимаемый Х-ом в 13.00, отличается от текста, понимаемого тем же А в 21.00. Или предположим, что Х каждый день, просыпаясь, видит перед своими глазами один и тот же текст, естественно вывести, что Х понимает этот текст каждый раз по-разному и у Х-а нет ни одной тождественной интерпретации этого текста, потому что интерпретация субъективна и зависит, например, от психологического состояния Х-а. Когда разговор пойдет о двух людях, то очевидно, что субъективность ситуации еще более усилится, так как Х и У – это разные люди, а потому перед ними разный текст в том смысле, что он у них вызывает различные интерпретации. Не стоит говорить о том, что при таком подходе вопрос о том, каков этот текст на самом деле, излишен в том плане, что на него не может быть дан ответ (текст это непознаваемая вещь в себе). Следствием признания фактического интерпретационизма является, в частности, положение о том, что все высказывания русского языка – это субъективные мнения говорящего и не существует фактических высказываний¹. Если это так, то встает вопрос: «Если лингвист-эксперт знает об этом, но в своем экспертном заключении все-таки выделяет утверждения о фактах, то должны ли его действия квалифицироваться по статье 307 УК РФ?»

3. Принцип реализма (=эссенциализма) в теоретической лингвистике. Второй принцип, на котором основана лингвистическая наука, – это **принцип реализма** в объяснениях, который, на наш взгляд, в теоретической лингвистике занимает центральное место. Напомним, что реализм как философское течение решал спор об универсалиях в пользу существования абстрактных сущностей, таких например, как «благо», «дерево» и т.п. Вопрос о том, как возможно употребление общих слов по отношению к чему-то различному и одновременно чему-то тождественному (например, предметам) решался при помощи введения категории сущности вещи, которую Платон, например, выносил за пределы чувственного мира, а Аристотель помещал в саму вещь. К таким решениям можно относиться, по-разному, но очевидно, что реализм как тип методологической установки породил значимость вопросов «Что есть собака на самом деле?», вопросов, которые носят сугубо словесный характер. В лингвистике такие вопросы пока стоят в центре исследования. Вопросы «Что такое жанр, концепт, фрейм, лексическое значение» относятся к разряду принципиальных, несмотря на то, что с какой-то стороны они не имеют никакого значения. Эти вопросы осложняются проблемой точности определения терминов (а, скорее, слов), решение которой, по мнению ученых, является ключом к познанию явлений языка и речи. Отсюда главным признается вопрос: «Как понимается то-то и то-то?» или «Как нам понимать то-то и то-то?» Этот вопрос считается важным всерьез, но очевидно, что при таком подходе лингвистика из науки о фактах превращается в науку об употреблении терминов. Эту проблему очень рельефно высветила юридино-лингвистическая проблема квалификации оскорбления, где реалистическая постановка вопроса в форме: «Что есть оскорбление?», и его реалистическое решение породили парадоксальное следствие – **эксперт в заключении не может употреблять термин «оскорбление», так как это термин юридический.**

Естественно, что данное положение не способствует фактическому описанию и объяснению оскорбления, где оскорбление «кусок» реальной действительности, который не зависит от своего названия, и тем более не принадлежит лингвистике или юриспруденции, более того, он не «нуждается» и в существовании этих наук. Потому вряд ли эффективно искать ответ на вопрос, что значит слово «оскорбление» в быденном ли языке или языке юридическом (или сетовать при

¹ Напомним, что различие фактов и мнений (или оценок) значимо по делам о клевете и распространении не соответствующих действительности сведений.

проведении экспертизы на то, что этот термин плохо определен), экспертный подход как раз предполагает другое – эксперт знает (или не знает) все (или не все) истинные предложения об оскорблении и умеет (или не умеет) ими пользоваться при ответе на вопрос, был ли факт оскорбления в данной конкретной ситуации, ситуации, которая является предметом судебного разбирательства. Такая номиналистическая переформулировка проблемы кажется нам продуктивной и ясной.

Таким образом, развиваемая нами концепция методологически основывается на принципе соответствия / несоответствия высказывания действительности, который в философии, например, именуется корреспондентной теорией истины. Согласно этому принципу истинным является утверждение, которое соответствует фактам, ложным соответственно, которое не соответствует фактам. В работе развивается идея о том, что языковые явления существуют объективно и независимо от юридических определений и юридических конструкций, частью которых являются эти явления, а также положение о том, что познание этих явлений не зависит от качества их определений в лингвистике как науке. Отсутствие четких определений этих явлений в лингвистике не способно оказать заметного влияния на познание фактов этих явлений, скорее, сами определения, их ясность и четкость могут быть поставлены в зависимость от качества их (объективных явлений) познания. Таким образом, основной единицей анализа и описания языковых явлений является научное описательное высказывание и его основное свойство – способность соответствовать и не соответствовать фактам, факт – это базовая категория лингвистической экспертизы, экспертное исследование назначается для установления фактов, значимых для рассмотрения того или иного дела по существу. Категория факта подчиняет себе все исследовательские параметры лингвистической экспертизы: мы устанавливаем факты и мы их объясняем, но не даем определения явлениям или терминам. Таким образом, оказывается неважным вопрос о том, что такое, например, «угроза», но очень важен вопрос, какими свойствами обладает и в каких отношениях находится тот фрагмент действительности, который мы условились (а в другом аспекте фактически называем) называть «угрозой», с другими фрагментами языко-речевой действительности. Определениям в экспертных исследованиях отводится вспомогательная роль: с одной стороны, они вводятся в коммуникативных целях и обеспечивают возможность взаимопонимания, с другой стороны, они сокращают научный текст. С этой точки зрения угроза, например, – это все известные в лингвистике как науке к конкретному моменту истинные высказывания об угрозе, и слово «угроза» заменяет эти истинные высказывания в научном тексте или в тексте лингвистической экспертизы, мы в принципе могли бы не пользоваться словом «угроза», а всегда говорить вместо «угроза», фразы, построенные по такому образцу: «То, что обладает свойствами X, Y, Z...Zn» лишь бы относительно такого употребления соблюдался закон тождества (этот принцип полно и ясно изложен в работах [Поппер, 2002; Поппер, 1992; Поппер, 1993]).

4. Таким образом, принимается следующая позиция относительно собственного лингвистического и юридического слоев в лингвистическом экспертном исследовании. Целью лингвистической экспертизы является описание и объяснение определенных фрагментов реального мира, событий и фактов, при этом описание производится в рамках категорий истина / ложь¹. В юридическом аспекте происходит квалификация описанных событий на шкале «запрещено / разрешено» и производных от этой шкалы категориях санкции, отягчающих или смягчающих обстоятельств и т.п., еще раз подчеркнем, что в **рамках юриспруденции происходит не переопределение понятий и терминов, а юридическая квалифика-**

¹ Может возникнуть словесная проблема: «Что такое истина?», чтобы предупредить ее, отметим, что можем не употреблять этих терминов в принципе, а всегда говорить «соответствие и несоответствие действительности» [Поппер, 2002].

ция (=юридическая оценка) установленных событий и фактов, которые способны за собой влечь определенные юридические последствия.

Такое представление является важным на фоне существующей позиции, в которой приняты следующие формулировки: «С юридической точки зрения оскорбление это то-то, тогда как с лингвистической оскорбление совсем другое». Мы предполагаем, что в каком-то отношении (по крайней мере, если мы хотим оставить за лингвистической экспертизой право на истинное описание действительности, то есть не отрицать за лингвистикой способности описывать свойства и отношения, которые существуют в реальном мире) для лингвистики и юриспруденции оскорбление должно быть одним и тем же предметом, который ими рассматривается с точки зрения своих целей. Цель лингвистики – установить и объяснить все истинные высказывания об оскорблении, цель юриспруденции – установить имело ли место такое деяние, как оскорбление и если имело, то дать его юридическую оценку. Таким образом, противопоставление юридической и лингвистической точек зрения, скажем, на то же оскорбление не имеет какого-либо значения, так как с какой-то стороны лингвисты и юристы обязаны иметь одну точку зрения на оскорбление, оскорбление – это фрагмент реальности, свойства и отношения которого с другими фрагментами не зависят от того, какие слова мы употребляем или как мы выражаем свои мысли.

В данном случае необходимо пояснить, почему мы употребили слова «вынуждены» и «должны». Этими словами мы хотим сказать, что тот факт, что мы выбираем описывать реальное положение дел является нашим решением, которое не сводимо к фактическому положению дел. То есть, другими словами, это наше решение, что экспертиза как процессуальное действие помогает установить объективную истину по делу и то, что юридическая квалификация должна основываться на дескриптивных утверждениях, это тоже наше решение, оно может быть эмпирически обосновано, но не может быть логически выведено из какого-либо положения дел. Вполне можно представить себе ситуацию другим образом, когда экспертиза бы основывалась на авторитете ученого (что иногда имеет место в лингвистических экспертных исследованиях) или экспертный вывод принимался бы большим числом голосов. Например, нет ничего логически противоречивого в идее, чтобы по каждому делу экспертизу проводили все эксперты в данной области, а затем обсуждали бы расхождения в выводах и путем голосования решали бы, какой из экспертных выводов необходимо считать истинным. Такой принцип организации экспертизы породил бы свои проблемы и свои следствия для юриспруденции, и он возможен теоретически, а потому принцип соответствия действительности не является принципом, который вытекает из какого-то положения вещей в реальной действительности, скорее, он подчинен нашим решениям и ценностям в том смысле, что мы признаем в юридической деятельности и науке в качестве ценности – поиск ответа на вопрос об истинности или ложности определенных утверждений о фактах.

5. Из приведенных выше тезисов, по нашему мнению вытекает следующий вопрос: «Зачем необходима лингвистическая экспертиза, которая была бы основана на принципе соответствия высказываний действительности?»¹

В общем, вопрос о необходимости лингвистической экспертизы и любой экспертизы решается, как правило, таким образом. Если мы не будем принимать решения при разрешении конфликтов, основываясь на реальном положении дел, например, на том, как реально устроен объект (скажем, язык), то рано или поздно право перестанет быть эффективным в том смысле, что его решения не будут совпадать с реальным положением дел, что приведет к нелегитимности права. (Оно,

¹ Думаем, что недалеко от истины утверждение о том, что лингвистическая экспертиза в настоящее время достаточно успешно функционирует, используя как конвенциональную теорию истины, так и концепцию истины как авторитетного.

например, перестанет выполняться). Мы думаем, что теоретически такая формула неверна. Поясним это. С точки зрения фактической, для права, чтобы быть эффективным, необходимо, чтобы поведение людей, которое оно регулирует, было вариантным, чтобы относительно какой-то ситуации было минимум два варианта поведения, в противном случае правовая норма остается попросту декларацией, и она ничего не регулирует, то есть не выполняет своей функции. Действительно, нет никакой возможности предписывать или запрещать дыхание, но как только появится вариант поведения без дыхания, сразу же появится возможность его предписывать или запрещать. (Эту ситуацию легко вообразить, более того, прогнозируема подоплека такого запрета или предписания, эта подоплека будет, вероятно, связана с теорией неполноценности одной из форм поведения, например, формы поведения с обязательным дыханием). Все остальное не является важным для права, так как право – это не фактическая действительность, но решения по поводу фактов. Создавая норму, мы принимаем решение о том, как мы будем себя вести в некоторой фактической ситуации, и это решение никогда не сводимо и не выводимо из тех фактов, относительно которых оно принято. Так, мы приняли решение о том, что необходимо установление истины по делу. Это решение – **наше** решение, его необходимость нельзя объяснить никакими фактами, так что оно не вытекает логически и теоретически из фактов, и когда мы говорим о том, что если право не будет опираться на теорию истины, то станет нелегитимным, мы утверждаем не факт, а ценность, а именно мы утверждаем, что не хотим, чтобы право не опиралось на принцип соответствия действительности.

Почему такое утверждение не является фактом? Во-первых, любое решение, каким бы оно несправедливым ни казалось, может быть обеспечено силой. То есть мы способны принуждать кого-то поступать определенным образом, вопреки его желанию, тезис о том, что такие системы долго не живут, не может оказать на этот факт никакого воздействия, эти системы были и, возможно, есть, они называются словом «тоталитаризм». Таким образом, принцип соответствия действительности или принцип соответствия массовым ценностям для права не является и эмпирически необходимым.

Во-вторых, так как право – это решения о поведении, то оно может всегда оставаться легитимным на том уровне, что эти решения могут изменяться. Относительно принципа соответствия действительности это значит, что право не нуждается в истине как соответствии, а может обходиться конвенциональной истиной и *ad hoc* теорией. Например, неприличные формы в праве могут запрещаться списком, и то, что не входит в этот список, будет считаться приличным. В этот список всегда могут быть внесены изменения (если например, много людей недовольны¹ этим списком), он может быть расширен или наоборот сужен, понятно, что это предполагает договоренность, но не предполагает истинности (тот факт, что теоретически возможна такая ситуация, когда договоренность и истинность совпадут друг с другом, не имеет никакого значения).

Таким образом, когда мы утверждаем необходимость истинных описаний явлений, то мы, прежде всего, отстаиваем ценности, а не описываем какую-то фактическую необходимость, заложенную в природе права, но очень важно, что мы сами выбираем эту ценность и полагаем, что фактическое описание является ценным, тем самым мы косвенно решаем вопрос о том, **каким должно быть право**, которому мы хотим подчиняться в том смысле, что считаем целесообразным, чтобы оно определяло наше поведение.

¹ Еще раз подчеркнем, что мы можем игнорировать это недовольство, не меняя список, для этого нужна только сила принуждения.

Литература

- Поппер К.Р. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.
- Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
- Поппер К. Нищета историцизма. М.: Прогресс, 1993.
- Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002.
- Поппер К.Р. Историческое объяснение // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2006. С 330-340.